

ВЗАИМОВЛИЯНИЕ ПРАКТИКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТРУДА ЛИЦ, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ, И УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА ПРИМИРЕНИЯ

Суверов С. Е.

*Омская академия МВД России
г. Омск, Российская Федерация
E-mail: s.suverovse95@mail.ru.*

Аннотация. Уголовная политика государства определяется множеством разнообразных факторов, зависящих от потребностей социума на определенном этапе своего развития. Включение в уголовно-правовой инструментарий мер, применяемых взамен назначения лицу, совершившему преступление, наказания, было обосновано и в настоящее время они подлежат дальнейшему развитию, правовой корректировке. Среди данных мер в отечественном законодательстве особое внимание привлекает ст. 76 УК РФ, направленная на первостепенный учет потребностей потерпевшего лица. Между тем, исторический экскурс в отечественную уголовно-исполнительную систему, а также изучение состояния современного зарубежного тюремоведения демонстрируют, что все большую популярность набирают использование труда лиц, отбывающих наказания, и развитие частных тюрем, поскольку подобных механизмов экономически выгоден для государств и частных компаний. Тем не менее, видится, что, несмотря на определенные положительные аспекты от использования труда осужденных, они не смогут в полной мере заменить программы обозначенные меры.

Ключевые слова: частные тюрьмы, примирение с потерпевшим, использование труда, самокупаемость, освобождение от уголовной ответственности, отбывание наказания, уголовная политика.

Для цитирования: Суверов, С. Е. Взаимовлияние практики использования труда лиц, отбывающих наказание, и уголовно-правового института примирения / С. Е. Суверов // Правовый порядок: история, теория, практика. — 2021. — № 1 (28). — С. 41–46.

INTERACTION OF THE PRACTICE OF USING THE LABOR OF PERSONS SERVING PUNISHMENT AND THE CRIMINAL LEGAL INSTITUTE OF RECONCILIATION

S. Ye. Suverov

*Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Omsk, Russian Federation
E-mail: s.suverovse95@mail.ru.*

Abstract. The criminal policy of the state is determined by a variety of factors that depend on the needs of society at a certain stage of its development. The inclusion in the criminal legal toolkit of measures used instead of imposing punishment on the person who committed a crime was justified and at present they are subject to further development and legal adjustment. Among these measures in domestic legislation, particular attention is drawn to Art. 76 of the Criminal Code of the Russian Federation, aimed at the primary consideration of the needs of the victim. Meanwhile, a historical excursion into the domestic penal system, as well as a study of the state of modern foreign prison science, demonstrate that the use of the labor of persons serving sentences and the development of private prisons are gaining popularity, since such a mechanism is economically beneficial for states and private companies. Nevertheless, it seems that, despite certain positive aspects from the use of prison labor, they will not be able to fully replace the program of the indicated measures.

Keywords: private prisons, reconciliation with the victim, use of labor, self-sufficiency, exemption from criminal liability, serving sentences, criminal policy.

For citation: Suverov, S. Ye. Interaction of the Practice of Using the Labor of Persons Serving Punishment and the Criminal Legal Institute of Reconciliation. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice], 2021, no. 1 (28), pp. 41–46. (In Russ.)

Введение

Происходящие изменения в различных сферах жизни общества непосредственным образом действуют на уголовное законодательство, что приводит к переосмыслению и трансформации ранее незыблемых правовых институтов. Так, обозначенный тезис может быть отнесен как к отказу от основополагающего принципа уголовного права — неотвратимости наказания, который в последующем был заменен неотвратимостью уголовной ответственности и неотвратимостью мер уголовно-правового принуждения соответственно, так и к пересмотру такого фундаментального института как наказание, поскольку последний стал неспособен в полной мере отвечать потребностям своего времени, что привело к развитию иных форм реагирования, альтернативных традиционному порядку судопроизводства (вместо осуждения, назначения лицу наказания и отбытия лицом наказания). Среди обозначенной концепции особо выделяются те меры, которые касаются учета потребностей потерпевшего от преступления лица, возможности восстановления нарушенных деянием общественных отношений. Как правило, исследователи включают их в программу «восстановительного правосудия» [9, с. 101].

Одной из ключевых норм, входящих в систему обозначенных альтернативных мер, отечественного уголовного закона является примирение с потерпевшим как основание освобождения от уголовной ответственности (ст. 76 УК РФ), однако при ее реализации главным образом учитываются интересы персонифицированного лица (потерпевшего), поскольку это является необходимым требованием для применения нормы (факт состоявшегося примирения с потерпевшим, заглаживание причиненного ему вреда). В тоже время, несмотря на допущение определенных частных начал, уголовная сфера, прежде всего, является публичной, что предопределяет учет потребностей социума, государства в применении конкретных мер реагирования на совершение виновным преступления.

Вместе с тем, государства на различных этапах своего развития пытались определенными способами уменьшить траты, которые связаны с уголовным преследованием лиц, совершивших преступление. В данном случае

речь идет о использовании труда лиц, отбывающих наказание, для осуществления различных работ, строительства инфраструктурных объектов, производства какой-либо продукции и на иных видах деятельности. И, если применение такого подхода еще в XVIII в. могло быть обосновано уровнем правой культуры, сознания и общего развития иных сфер человеческого общежития, то допущение данного метода в настоящее время, по большому счету, зиждется на экономической рентабельности и привлекательности.

Полагаем, что определенная тенденция между развитием тех или иных правовых (уголовно-правовых) институтов и потребностями общества, государства, а также его социально-правовой модели, может быть обнаружена при изучении отечественного и зарубежного опыта использования труда лиц, отбывающих наказание. Изложенное ставит вопрос о том, могут ли эти положительные аспекты от использования труда лиц, отбывающих наказание, в сравнении с применением института примирения с потерпевшим (ст. 76 УК РФ) стать тем толчком, который расширит практику применения первого за счет сокращения реализации последнего.

Описание исследования

Труд заключенных в пенитенциарных системах как зарубежных стран, так и России, применялся достаточно давно. Государственные структуры и частный капитал привлекала дешевая рабочая сила, что давало возможность оперативно решать важные, стратегические задачи и получать значительную прибыль. С помощью осужденных происходила колонизация малообжитых территорий, куда вольнонаемные специалисты могли поехать лишь за крупное вознаграждение. Так, слабая заселенность и экономическая неразвитость бескрайних просторов Сибири беспокоили как царское, так и советское правительство. Освоение новых земель с помощью труда заключенных было привлекательно и опиралось на многочисленные международные примеры. Первыми переселенцами в далекую Австралию были обитатели английских тюрем [7, с. 4].

К тому же, принудительная трудовая деятельность являлась одной из мер искупления вины за совершенное преступное деяние.

Часть осужденных работала в разные периоды лишь за скудную еду, ночлег и дешевую одежду, другие получали небольшое денежное вознаграждение, из которого удерживались средства, направляемые в счет возмещения ущерба и за оплату предоставляемых услуг. Себестоимость использования труда заключенных была низкой.

Отечественный опыт

В дореволюционной России широко применялся труд заключенных, например, при строительстве Транссибирской магистрали. Как указывает В. В. Казаченок: «Использование труда осужденных начинает проследиваться с XVII в. при колонизации новых земель» [4, с. 41].

Прибыль, получаемая от лиц, находящихся в заключении, шла в государственную казну. В конце XIX в. осужденный имел право лишь на 40 % от вырученного дохода, а осужденный на каторжные работы — на 10 % от заработанных средств [2, с. 115].

В советский период после свертывания новой экономической политики в 1929 г. усилилась государственная карательная политика. В 1930 г. было образовано Главное Управление исправительно-трудовых лагерей (ГУЛАГ), который переводился на самоокупаемость. Принимались максимальные меры, направленные на удешевление содержания спецконтингента. Осужденные производили всю необходимую для себя продукцию (продукты питания, одежду и т. д.). Медицинский, управленческий, инженерно-технический персонал исправительно-трудовых учреждений комплектовался за счет уголовного элемента. Даже часть охраны (так называемая «самоохрана») состояла из заключенных.

Со второй половины 1930-х годов произошла замена вольнонаемных рабочих заключенными на строительстве основных дорог. Так, в приказе НКВД СССР от 1936 г. № 0012 указывалось, что в целях максимального удешевления стоимости строительства и капитального ремонта автогужевых работ должны быть организованы исправительно-трудовые колонии, укомплектованные лицами, осужденными на срок до трех лет [5, с. 70].

Во второй половине 40-х годов прошлого столетия из заработной платы осужденных стала удерживаться стоимость питания. Этот шаг объяснялся необходимостью исполнять исковые требования. Несмотря на это, не менее 10 % от заработной суммы должно было оставаться в распоряжении осужденных для приобретения предметов первой необходимости через торговую сеть [3, с. 19]. Цены в торговых точках, расположенных в местах

лишения свободы, в подавляющих случаях были завышены, что давало возможность получить дополнительную прибыль.

До 1946 г. в Советском Союзе содержание заключенных в ГУЛАГе покрывалось без расходов бюджета. В связи с ростом цен было принято решение за счет государственных средств содержать лишь заключенных-инвалидов, не способных к трудовой деятельности [1, с. 138].

В местах лишения свободы устанавливался производственный план, невыполнение которого грозило наказанием (вплоть до уголовного преследования) начальникам исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) и исправительно-трудовых колоний (ИТК). В результате жесткой эксплуатации, по сути бесплатной рабочей силы, людской ресурс быстро изнашивался. Это обуславливалось плохим питанием, отсутствием элементарных бытовых условий, нарушением санитарных норм.

Область применения трудовых ресурсов в местах заключения была весьма разнообразной. Так, в Ангарском ИТЛ заключенные были задействованы в строительстве железной дороги, в аграрном секторе и лесозаготовках. Планирование и контроль за производственной деятельностью значительно улучшали эффективность производства лагерных подразделений. В частности, план весеннего сева Ангарского ИТЛ за 1956 г. по 1 отделению был выполнен на 100,5 %. При плане 1065 га фактически было засеяно 1072 га [8, с. 400].

В сельхозе «Куйтун» (Иркутская область), структурном подразделении Ангарского ИТЛ МВД СССР, план по животноводству за 1949 г. был выполнен на 147,7 %, с производственной экономией в сумме 408 тыс. руб. Стоимость привеса одного центнера планировалась в 2077 руб., фактическая — в 2030 руб. По свиноводству план был выполнен на 104,6 %, с экономией средств в сумме 28 тыс. руб.¹

Поощрялись рационалистические предложения заключенных, что позволяло экономить ресурсы. В феврале 1959 г. от слесаря автобазы № 3, заключенного Горелкина, 3-го лаготделения Ангарского ИТЛ поступило предложение о переводе грузовых и тормозных барабанов лебедки автокрана на шариковые подшипники. В результате чего, значительно экономилась бронза, увеличивался срок службы шейки вала и рабочий ресурс механизмов. Горелкин был награжден премией в сумме 100 руб.²

¹ Информационный центр отдела архивной информации и реабилитации Главного Управления МВД России по Иркутской области. Ф. 39. Оп. 1. Д. 242. Л. 112–126.

² Информационный центр отдела архивной информации и реабилитации Главного Управления МВД России по Иркутской области. Ф. 39. Оп. 1. Д. 207. Л. 51.

Однако, эффективность производственной деятельности заключенных в советский период в значительной степени уменьшалась из-за большого объема приписок и управленческих ошибок. Отсутствие материальной мотивации у большинства осужденных подменялось угрозой наказания. Невыполнение производственного плана или отказ от работы грозили отправкой в карцер, получением штрафного пайка, что было смертельно опасно для ослабленных непомерным трудом и недоением заключенных.

После распада Советского Союза в 1991 г. была разрушена сложившаяся пенитенциарная система, удачно встроенная в экономическую модель социалистического государства. В настоящее время в России использование труда заключенных уже не носит столь массового характера.

Зарубежный опыт

Производственная деятельность с использованием спецконтингента имеет широкую практику применения и за рубежом. Например, во Франции в 2010 г. на оплачиваемые работы выводился 24 001 заключенный или 39,1 % от их общего числа. Генеральный контролер мест лишения свободы Жан-Мари Деларю отмечал, что «работодатели предлагали работающим заключенным самые разные заработные платы, но чаще всего это было ниже минимального размера оплаты» [6, с. 40–41].

В ряде зарубежных стран (США, Великобритания, Австралия, Германия, Франция, Австрия, Бразилия, Канада, Венгрия, Швеция, Норвегия, Эстония, ЮАР, Япония и др.) успешно функционируют частные тюрьмы (исправительные учреждения с частно-государственным партнерством). В частных тюрьмах США за режим и безопасность заключенных и всего учреждения отвечает коммерческая организация, которой выделяется определенная денежная сумма на содержание каждого отбывающего наказание.

Данная плата компенсирует расходы тюрьмы и позволяет получить прибыль. Экономически американские бизнес-тюрьмы рентабельны за счет грамотной организации труда заключенных, которые выполняют неквалифицированную работу или производственные задания в мастерских. Тюремная индустрия США производит: 100 % отдельной военной амуниции, военных касок, форменных ремней и портупей, бронежилетов, идентификационных карт, рубашек, брюк, палаток, рюкзаков и фляжек; 98 % монтажных инструментов; 46 % пуленепробиваемых жилетов; 36 % бытовой техники; 30 % наушников,

микрофонов, мегафонов; 21 % офисной мебели; авиационное, медицинское оборудование и др. [11, с. 268]

П. В. Тепляшин отмечает, что «частным и государственным посредническим фирмам в США был предоставлен карт-бланш по эксплуатации труда заключенных для получения прибыли» [10, с. 187].

Крупный капитал в зарубежных странах, чтобы не оказаться в зоне критики общественности по поводу эксплуатации осужденных, привлекая малооплачиваемый труд заключенных, нанимает их не напрямую, а через посредников (подрядчиков).

Уголовная политика

В реализации уголовной политики государств на различных этапах своего развития прослеживается определенная связь между использованием труда осужденных и допущением мер, связанных с отказом от уголовного преследования виновных (например, нормы о примирении с потерпевшим). В законодательстве РСФСР нормы последнего были закреплены во всех уголовно-процессуальных кодексах, распространяясь на институт частного обвинения, который включал в себя небольшое число составов преступлений, действовал ограниченно. Вероятно, более широкое использование данных норм, их включение в уголовно-материальный закон, отчасти было обосновано заинтересованностью государственных органов в применении труда заключенных для развития экономики страны. В тоже время, необходимо подчеркнуть, что определенные альтернативные меры наличествовали в уголовном законодательстве РСФСР (например, в УК РСФСР 1960 г. были предусмотрены следующие меры, применяющиеся взамен традиционного института уголовного наказания: передача лица на поруки; передача дела в товарищеский суд; применение принудительных мер воспитательного характера к несовершеннолетним, в последующем они были дополнены освобождением от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности), но в силу политической модели государства они были направлены, прежде всего, на общественное воздействие, а не на наделение виновного и потерпевшего инструментарием по самостоятельному решению уголовно-правового конфликта.

В дальнейшем, в ходе внедрения научно-технических разработок в советское народное хозяйство уменьшилась потребность в рабочих руках заключенных. Одной из причин постепенной переориентации экономики СССР

на вольнонаемную, более квалифицированную рабочую силу, стало повышение производительности труда. Например, механизация вывоза леса в СССР составляла в 1939 г. 23,9 %, а в 1950 г. она уже достигла 50,3 % [1, с. 77].

В настоящее время в экономике развитых капиталистических государствах широко применяется искусственный интеллект. Автоматизация и роботизация постепенно вытесняет человеческий труд. Использование рабочих рук осужденных в настоящее время становится уже не так привлекательно. Подобный фактор также может сказаться на более активном развитии программ, связанных с отказом от реального отбытия виновным наказания (включение видов наказаний, не связанных с изоляцией от общества; расширение практики применения условного лишения свободы; увеличение мер, освобождающих от уголовной ответственности и наказания).

Заключение

Видится, что на проводимую государством уголовную политику оказывает влияние множество факторов, среди которых не последнее место занимает бюджетное финансирование осуществляемого уголовного преследования виновных, их содержания в местах лишения

свободы. Определенным выходом из такой ситуации служит использование труда лиц, отбывающих наказания, для производства различных работ как в государственных учреждениях, так и в частных.

Вместе с тем, считаем, что, несмотря на обозначенные положительные аспекты от применения такого подхода, на современном уровне развития общества он вряд ли способен существенным образом потеснить практику применения мер, альтернативных применению наказания, в т. ч. уголовно-правовой институт примирения с потерпевшим. Это связано с тем, что реализация обозначенного института позволяет в определенной степени: разгрузить следственно-судебную систему; освободить места в учреждениях системы ФСИН; снизить число лиц, имеющих судимость; повысить мотивацию виновных к заглаживанию причиненного потерпевшим вреда и достичь иных требуемых изменений. Более того, исходя из современных тенденций, можно говорить о постепенном увеличении сферы применения иных мер реагирования на факт совершения лицом преступления, чему примером могут являться постепенное расширение видов оснований освобождения от уголовной ответственности (например, ст. 76.1 УК РФ и ст. 76.2 УК РФ).

Список литературы

1. ГУЛАГ: экономика принудительного труда. — Москва : Российская политическая энциклопедия, 2008. — 320 с.
2. Евсеев, И. В. Истоки трудового использования заключенных в свете российской идеи «исправлять трудом» / И. В. Евсеев // Политический вектор-Л. Комплексные проблемы современной политики. — 2013. — № 1. — С. 111–122.
3. Исаков, В. М. Труд заключенных в исправительных учреждениях в послевоенные годы и его правовое обоснование / В. М. Исаков, Е. В. Мельник // Вестник Московского университета МВД России. — 2017. — № 1. — С. 16–21.
4. Казаченок, В. В. Организация использования труда заключенных в пенитенциарных учреждениях Казанской губернии в XVIII — начале XX вв. / В. В. Казаченок // Вестник Кузбасского института. — 2012. — № 4. — С. 40–51.
5. Никифоров, А. А. Экономический аспект использования труда заключенных в системе ГУЛАГа / А. А. Никифоров // Человек: преступление и наказание. — 2009. — № 1. — С. 69–72.
6. Пиель, С. Как организуется труд заключенных во Франции / С. Пиель // Ведомости уголовно-исполнительной системы. — 2013. — № 4 (131). — С. 40–41.
7. Суверов, Е. В. Образование и функционирование Сибирского исправительно-трудового лагеря НКВД СССР (Сиблага) в 1929–1941 гг.: монография / Е. В. Суверов. — Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России. — 2016. — 124 с.
8. Суверов, Е. В. Сельхозпроизводство и деревообработка в Ангарском исправительно-трудовом лагере (1949–1959 гг.) / Е. В. Суверов // Сибирская ссылка : сборник научных статей. — Иркутск : Издательство Оттиск. — 2017. — С. 400–411.
9. Суверов, С. Е. Генезис нормы о примирении с потерпевшим как основания освобождения от уголовной ответственности / Е. В. Суверов // Алтайский юридический вестник. — 2020. — № 4 (32). — С. 100–105.
10. Тепляшин, П. В. Очерк неолиберальной пенитенциарной политики Соединенных Штатов Америки / П. В. Тепляшин // Вестник Владимирского юридического института. — 2019. — № 4 (53). — С. 185–191.

11. Тимофеева, Е. А. Частные тюрьмы за рубежом: историко-правовые и экономические аспекты функционирования (США, Франция, Великобритания, Япония) / Е. А. Тимофеева // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2018. — № 2 (42). — С. 267–271.

References

1. GULAG: ekonomika prinuditelnogo truda. — Moskva : Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya, 2008. — 320 s.
2. Yevseev, I. V. Istoki trudovogo ispolzovaniya zaklyuchennykh v svete rossiyskoy idei «ispravlyat trudom» / I. V. Yevseev // Politicheskii vektor-L. Kompleksnye problemy sovremennoy politiki. — 2013. — № 1. — S. 111–122.
3. Isakov, V. M. Trud zaklyuchennykh v ispravitelnykh uchrezhdeniyakh v poslevoennye gody i ego pravovoe obosnovanie / V. M. Isakov, Ye. V. Melnik // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. — 2017. — № 1. — S. 16–21.
4. Kazachenok, V. V. Organizatsiya ispolzovaniya truda zaklyuchennykh v penitentsiarnykh uchrezhdeniyakh Kazanskoj gubernii v XVIII — nachale XX vv. / V. V. Kazachenok // Vestnik Kuzbasskogo instituta. — 2012. — № 4. — S. 40–51.
5. Nikiforov, A. A. Ekonomicheskij aspekt ispolzovaniya truda zaklyuchennykh v sisteme GULAGa / A. A. Nikiforov // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. — 2009. — № 1. — S. 69–72.
6. Piel, S. Kak organizuetsya trud zaklyuchennykh vo Frantsii / S. Piel // Vedomosti ugolovno-ispolnitelnoj sistemy. — 2013. — № 4 (131). — S. 40–41.
7. Suverov, Ye. V. Obrazovanie i funkcionirovanie Sibirskogo ispravitelno-trudovogo lagerya NKVD SSSR (Sibлага) v 1929–1941 gg.: monografiya / Ye. V. Suverov. — Barnaul : Barnaulskij juridicheskij institut MVD Rossii. — 2016. — 124 s.
8. Suverov, Ye. V. Selkhozproduktstvo i derevoobrabotka v Angarskom ispravitelno-trudovom lagere (1949–1959 gg.) / Ye. V. Suverov // Sibirskaya sсылка : sbornik nauchnykh statej. — Irkutsk : Izdatelstvo Ottisk. — 2017. — S. 400–411.
9. Suverov, S. Ye. Genezis normy o primirenii s poterpevshim kak osnovaniya osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti / Ye. V. Suverov // Altayskij juridicheskij vestnik. — 2020. — № 4 (32). — S. 100–105.
10. Teplyashin, P. V. Oчерk neoliberalnoj penitentsiarnoy politiki Soedinennykh Shtatov Ameriki / P. V. Teplyashin // Vestnik Vladimirskogo juridicheskogo instituta. — 2019. — № 4 (53). — S. 185–191.
11. Timofeeva, Ye. A. Chastnye tyurmy za rubezhom: istoriko-pravovye i ekonomicheskie aspekty funkcionirovaniya (SShA, Frantsiya, Velikobritaniya, Yaponiya) / Ye. A. Timofeeva // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. — 2018. — № 2 (42). — S. 267–271.

Дата поступления статьи: 14.01.2021.